

УДК 81'42:821.112.2

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/155-159>

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КАРТИНА МИРА
И КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА
(Рец. на кн.: Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А.,
Омелькина О. В. Немецкий художественный текст : когнитивные
и лингвокультурные аспекты : кол. монография /
под общ. ред. О. А. Костровой. М. : ФЛИНТА, 2021. 312 с.)**

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

**LITERARY TEXT, VIEW OF THE WORLD
AND CULTURAL IDENTITY OF NATIVE SPEAKERS
(Review of Kostrova O. A., Bespalova E. V., Blinova Yu. A., Omelkina O. V.
German literary text : cognitive and linguistic and cultural aspects :
multi-authored monograph / under general editorship of O. A. Kostrova.
Moscow : FLINTA, 2021. 312 p.)**

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Статус художественного текста как объекта филологического анализа претерпел за последние десятилетия существенные изменения. Это во многом связано, как можно убедиться на практике, с исследовательскими доминантами в гуманитарной сфере. Так, в лингводидактике художественный текст постоянно и неуклонно утрачивал свои позиции при выборе в том числе составителями учебников и учебных пособий источника речевого материала в методике преподавания иностранных языков. В филологии в целом акцент анализа многократно переосмыслился, думается, главным образом под влиянием различий в интерпретации соотношения литературоведения и лингвистики. И в лингвистике в частности отношение к художественному тексту подпадает под очевидное, более или менее явное, влияние исходных постулатов той или иной научной парадигмы. Из-за этого на нынешнем витке познания повышенное внимание

уделяется обыденному/бытовому дискурсу, а также закономерно смещается исследовательский фокус на изучение медиа как чрезвычайно быстро меняющейся и весьма разнородной коммуникативной среды. Соответствующие процессы закономерно образом сопровождаются для носителей культуры превращением медиатекстов в образец использования языка и утратой данного статуса художественными текстами.

Иначе вопрос об источнике эмпирического материала для своих теоретических размышлений и значимых обобщений решают авторы коллективной монографии, для которых художественный текст стал не только импульсом для глубоких теоретических размышлений по актуальным лингвистическим проблемам, но и способом верификации концепции. Тезисы этой концепции, очевидно, формировались в междисциплинарном научном пространстве, образуемом постулатами классического литературоведения

© Гришаева Л. И., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

в его разных версиях, проблематикой когнитивной лингвистики в ее интерпретации большинством отечественных исследователей, постановкой вопросов в культурологии, истории и философии, как их представляет достигнутый на сегодня консенсус.

Впечатляет объем проработанного материала, что ясно уже только из перечисления источников примеров (с. 303–307) и списка цитируемой специальной литературы (с. 280–303). При этом важно акцентировать, что, во-первых, анализ художественных произведений, имеющих разную значимость для немецкой, европейской и мировой культуры, фокусируется на 70-летнем процессе в немецкой литературе после 1945 г., подверженном воздействию сложнейших и неоднозначных по своему влиянию на литературу факторов и оставившем заметный след в немецкой истории. Этот след не столько эстетический, сколько ментальный, потому что персонажи анализируемых в рецензируемой книге произведений осмысливают актуальную для них действительность, которая экзистенциально важна и для читателей произведений. Поэтому получается, что персонажи становятся своего рода мостиком, соединяющим фикциональный и реальный мир.

Таким образом, авторы рецензируемой коллективной монографии не характеризуют контекст, в который они погружают свои исследовательские задачи, однако к подобному умозаключению можно прийти, ознакомившись с их установками: «В картине мира художественной языковой личности образуются определенные тематические области, требующие художественной обработки. Эти тематические области складываются в своего рода тематические инварианты, которые раскрываются в произведениях автора» (с. 54).

Такие тематические инварианты авторы называют тематическими репрезентантами концептов в картине мира немецкой языковой личности или тематическими лейтмотивами (с. 54). Они выделяют 9 тематических лейтмотивов (с. 54–58), которые анализируются по-разному, разными приемами и с разной глубиной теоретической проработки: тема войны; тема разрухи; лейтмотив общества потребления (консюмеризм); лейтмотив фантастического; лейтмотив симуляции; лейтмотив «поиск идентичности»; лейтмотив критицизма; лейтмотив самоуглубления; лейтмотив среды обитания.

Предмет анализа – содержание концептов НЕМЕЦКАЯ ВИНА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА, ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ, РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ, СВЕРХЧЕЛОВЕК, ЧУЖЕСТЬ, ТЯГА К ИСТОКАМ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ, РАСКОЛОТНОЕ НЕБО (с. 5), выделение которых стало возможным не только в опоре на собственные исследования, но и на труды других ученых, специализиру-

ющихся на решении разных научных задач. «Базовые общекультурные концепты, характерные для немецкой ментальности» (с. 51), также представлены: ORDNUNG, SICHERHEIT, PFLICHT, DISZIPLIN, GESETZ, GEHORSAM, UNTERORDNUNG, PÜNKTLICHKEIT, GEMÜTLICHKEIT, PLANUNG, VERANTWORTUNG, ZUVERLÄSSIGKEIT (с. 51), причем «общекультурные концепты рассматриваются как доноры художественных» (с. 52). Иерархичность структуры обнаруживается у гиперконцептов, например: VERANTWORTUNG описывается как производный от ORDNUNG, ДОКУМЕНТАЛИЗМ – от PÜNKTLICHKEIT, РАСЩЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ – как противочлен базового концепта SICHERHEIT (с. 52). Гиперконцепты – это ключевые эстетические концепты, «характеризующие художественный стиль» и «иерархически вбирающие в себя концепты-локативы» (с. 44).

Интересным в этом смысле можно признать анализ уровней языковой личности (с. 40–45, 45–49), обобщенно представленный на схеме 2 на с. 41 и на схеме 3 на с. 49. Языковая личность в монографии – это «автор, аккумулирующий культурные и жанрово-стилистические традиции и представляющий ядерный компонент художественного произведения» (с. 5).

Авторы художественных произведений трактуются как языковая личность, обладающая «ментальным пространством, которое впитывает в себя весь культурно-языковой комплекс нации, включая лингвокультурные концепты, мифологию, стереотипы, прецеденты. Весь этот когнитивно обработанный этноязыковой опыт автор привносит в создаваемый текст» (с. 48). Всех авторов в монографии предлагается распределить на группы: автор₁, автор₂, автор₃ – в зависимости от степени доминирования в соответствующих произведениях этнокультурного фона (с. 48) и «иллокутивной доминантности их творчества» (с. 277). Первая группа – авторы, признанные в культуре; вторая – авторы текстов мигрантской литературы, «в ментальном пространстве которых взаимодействуют концептосферы немецкой и родной культур» (с. 48). В третью группу включаются авторы, «в ментальных пространствах (которых) <...> складываются специфические метафорические и метонимические концептуальные связи» (с. 48). Подобную интерпретацию авторы монографии считают одним из наиболее значимых результатов своего исследования (с. 277).

Межнаучный трансфер при интерпретации языковой личности схематично представлен на с. 49, где философия, культурология, филология, литературоведение и лингвистика связываются с мотивом и концептом, а языковая личность, реализующая себя через поэзию или прозу, региональную и/или ми-

грантскую литературу, сатиру и юмор, у которых концепты опредмечиваются особым образом, описывается как обладающая определенным ментальным пространством, находящимся под влиянием совокупности наук, названных выше.

В качестве теоретической основы в монографии рассматривается, в опоре на интерпретацию данного феномена Г. Г. Слышкиным, лингвокультурный концепт, который «формируется в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума» (с. 19). При этом в понимании авторов монографии «художественный концепт – это произвольно используемый автором для реализации своего художественного замысла вариант базового этнокультурного концепта или языкового стандарта, создающий этноспецифику производимого текста» (с. 21). Разграничение концепта, лингвокультурного концепта, художественного концепта для авторов оправдано тем, что «художественный текст в отличие от научного обладает свойством феноменологичности; он не объясняет события, явления, характеры, а показывает их» (с. 38). Поэтому концепты художественных текстов являются «составн(ую) часть(ю) эстетического опыта всего этнокультурного сообщества» (с. 39), а их «совокупность образует художественную лингвоэтническую картину мира» (с. 39).

Авторский вклад в монографию распределяется следующим образом: О. А. Кострова, осуществившая общую редакцию книги, подготовила главу 1, а также пункты и подпункты 2.1, 2.2, 2.3.1–2.3.6, 2.4, 2.5, 3.1.1, 3.1.2, 3.3, 3.4, 3.5, главу 4 и заключение. Е. В. Беспалова написала подпункт 2.3.9 и пункт 3.2. Ю. А. Блинова является автором подпунктов 2.3.7 и 3.1.3, а О. В. Омелькина – подпунктов 2.3.8 и 3.1.4. Книга состоит из введения (с. 3–6), двух частей, заключения (с. 275–277), обобщения-резюме на немецком языке (Zusammenfassung. Deutscher künstlerischer Text: kognitive und kulturwissenschaftliche Aspekte) (с. 278–279), списка цитируемой литературы (с. 208–303), списка словарей (с. 303), списка источников (с. 303–307), оглавления (с. 308–311). Каждая глава завершается выводами.

Первая, теоретическая, часть под названием «Концептосфера немецкого художественного текста» содержит две главы: первая «Подходы к изучению лингвокогнитивных и лингвокультурных особенностей художественного текста» (с. 9–52) и вторая «Уровни концептуальной интерпретации нового времени» (с. 52–88).

Во второй части, где рассматриваются базовые для немецкой культуры концепты, также две главы:

третья «Концептуальные феномены немецкого художественного текста» (с. 91–236) и четвертая «Идиотичность грамматико-стилистической концептуализации» (с. 237–274).

Рецензируемое издание привлекает интерес не столько потому, что «в центре внимания авторов находится концептуальное содержание текстов, сформировавшееся под влиянием определенных философских течений и меняющихся социально-политических условий» (с. 2), сколько из-за того, что «концептуальное содержание рассматривается в связи с базовыми концептами немецкой культуры, создающих лингвокультурную специфику текста» (с. 2), как свой труд представляют авторы в аннотации.

В качестве наиболее значимого результата своего труда авторы видят стремление в единой парадигме провести концептуальный анализ немецких художественных текстов на двух этапах концептуальной эволюции: первый и второй час ноль (с. 275). Называются традиционные для немецкой литературы концепты: СВЕРХЧЕЛОВЕК, ТЯГА К ИСТОКАМ, ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ, РЕФЛЕКСИЯ, ЛАНДШАФТ (с. 276). Авторы полагают, что «концептуальная эволюция происходит в рамках базовых концептов немецкой культуры, среди которых иерархически самую высокую позицию занимает концепт ORDNUNG» (с. 276).

Итогом размышлений стала констатация относительно характерных черт немецкой языковой личности: «активность, которая сочетается с расщепленным сознанием, лоскутн(ую)ая религиозность, прямой стиль общения, романтическое отношение к лесу и развитое экологическое сознание, стремление к оценке своего и чужого культурного наследия, склонность к (гениальным) фантазиям и языковой игре» (с. 277).

Полагаем, что проанализированное исследование вызовет у гуманитариев интерес тем, что художественный текст описывается в междисциплинарном ракурсе, без столь часто встречающегося разделения при анализе на литературоведческий и лингвистический подходы. Важно отметить также стремление авторов книги проследить философские и культурологические истоки для тех или иных лейтмотивов, доминирующих в немецких текстах разных жанров и разных эстетических направлений.

Наиболее ценной, думается, является задача, теоретически не тематизированная и не акцентированная, направленная на реконструкцию картины мира / концептосферы, которая осмысливается и описывается как целостность. И в отличие от подавляющего большинства исследований, заявляющих об этом, здесь предлагается и методика изучения целостности (а не отдельных более или менее крупных фрагментов!) и выявления иерархических связей между отдельными фрагментами концептуальной картины мира, а также

описания направления эволюции концептосферы на некотором этапе развития лингвокультурного сообщества. Интересно, например, итоговое объяснение эволюции концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК (с. 276): совершенство → необычайные способности, свободные от моральных норм. Интересны наблюдения относительно соотношения концепта ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ, трактуемого как универсальный, и концепта ЗАБЛУДШИЙ ИДЕАЛИСТ, а также интерпретация концепта РАСЦЕПЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ как порождение эпохи Интернета.

Книга интересна также тем, что вызывает много вопросов не столько по поводу выбора анализируемых произведений, сколько относительно способов представлений результатов анализа и отбора материала для иллюстрации наблюдений за грамматико-стилистической концептуализацией. Причина заключается в том, что особенно в последнем случае уровень конкретности ↔ абстрактности не выдерживается по сравнению с другими разделами. Понятно, что «нельзя объять необъятное», да и сами авторы во введении предупредили читателей, что они осознают заведомую неполноту «сети художественных лингвокультурных концептов» (с. 6).

В целом можно обобщить результаты анализа как тройкие: 1) результаты, справедливость которых не будет оспариваться, пожалуй, никем из филологического сообщества, так как они вполне вписываются в имеющийся в названной среде консенсус относительно многочисленных вопросов; 2) результаты, с которыми многие могут и не согласиться либо поставить под сомнение – дискуссионные и/или проблемные констатации; 3) неудачно сформулированные мысли.

Среди последних – выражения типа «концепт используется», «традиционный концепт», «локальный концепт» и т. п. Или еще один пример – предельно широкие формулировки некоторых положений, которые, полагая, нуждаются в развернутых пояснениях и обоснованиях. Так, утверждается, что концепты, мифология, стереотипы, прецеденты рассматриваются как компоненты ментального пространства. Однако разве концепты не могут опредмечивать

ся теми же способами и средствами, что и перечисленные иные элементы нашего сознания? Тогда в чем их принципиальная разница?

Среди вторых хочется назвать – и ограничиться этим, поскольку цель предлагаемых размышлений иная – представление о том, что картина мира имеет якобы культурную специфику только в своей некоторой части, которую и определяют в качестве этнокультурного концепта или лингвокультурного концепта. Хотелось бы спросить, а есть ли концепты, которые «существовали» бы вне культуры?! Разве данные о том, что именно включать в ту или иную ментальную категорию, не являются довольно убедительными, чтобы признать, что культурно специфичной является концептосфера любого культурного пространства?! Разве культура не модифицирует семантику даже заимствований и интернационализмов?! Думается, что в любой культуре вся концептуальная структура специфична и не может быть иной, даже в том случае, если в разных культурах имеются одинаковые понятия. Например, вспомним соотношение понятий СВОЙ и ТВОЙ, ЕГО, МОЕ, ИХ, НАШЕ и др. в русской, немецкой, английской языковых культурах: различия есть и в иерархии, и в наличии/отсутствии связей между понятиями разного уровня и т. д. Кроме того, то или иное концептуальное содержание опредмечивается не только языковыми средствами, но и многочисленными невербальными. Сегодня есть и экспериментальные данные, что человек думает не обязательно только в опоре на вербальные знаки. Однако, повторимся, данные аспекты не являются предметом анализа в настоящей рецензии.

В завершение хотелось бы поблагодарить авторов за огромный труд по анализу существенного пласта немецкой культуры, за постановку очень важной проблемы – реконструкция картины мира как целостности, за методику выделения смыслов, которые затем концептуализируются, за акцентирование идеи о том, что концепты опредмечиваются не только лексемами, но и грамматическими средствами. Эти аспекты концепции, вне всякого сомнения, будут востребованы научным сообществом.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grishaewa@rgph.vsu.ru*

*Поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.
Принята к публикации 26 декабря 2022 г.*

*Received: 01 September 2022
Accepted: 26 December 2022*

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Художественный текст, картина мира и культурная идентичность носителей языка (Рец. на кн.: Кострова О. А., Беспалова Е. В., Блинова Ю. А., Омелькина О. В. *Немецкий художественный текст : когнитивные и лингвокультурные аспекты : кол. монография / под общ. ред. О. А. Костровой. М. : ФЛИНТА, 2021. 312 с.*) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 155–159. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/155-159>

For citation:

Grishaeva L. I. Literary text, view of the world and cultural identity of native speakers (Review of: Kostrova O. A., Bepalova E. V., Blinova Yu. A., Omelkina O. V. *German literary text : cognitive and linguistic and cultural aspects : multi-authored monograph / under general editorship of O. A. Kostrova. Moscow : FLINTA, 2021. 312 p.*). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 1. Pp. 155–159. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/1/155-159>